

ДЕКЛАРАЦИЯ "ПЕРЕВАЛА" 1927 ГОДА В ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

А.Ю. ОВЧАРЕНКО

Кафедра русского языка юридического факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия

В статье определяется роль декларации Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей "Перевал" в борьбе за свободу художника, за создание художественно многообразной писательской среды, против унификации литературного процесса и окончательного превращения литературы в орудие политической борьбы в период сворачивания НЭП в 1927 г.

Памяти Г.А. Белой

Мы уже имеем общее представление о механизмах, целях и задачах культурной политики, о принципах культурной деятельности в СССР в 1917-1932 гг., но некоторые, весьма важные события 1927 г., подчас вырываются исследователями из литературно-исторического контекста. Конечно же, связь литературного процесса и политики в 1917-1932 гг. исследовалась, но при этом описывались либо отдельные эпизоды [1], либо анализ основывался лишь на документах литературной политики. В действительности же связь эта лишней раз подтверждает правоту выдвинутого несколько позднее, в 1928 г., тезиса Р. Якобсона - Ю. Тынянова о соотнесенности истории литературы с другими историческими рядами [2].

1927 г. воспринимался как внутренне завершённый этап [3]: страна с оптимизмом готовилась отмечать десятилетие революции. Но реальное положение дел было вовсе не праздничным. Усиление социальных контрастов в период НЭПа создавало тяжелую психологическую атмосферу: в обществе, особенно в среде молодежи, нарастали настроения упадка и разочарования в идеалах революции, "линяния революционных чувств" (А. Воронский), что приводило к моральному разложению. В литературной среде начали обнаруживаться черты своеобразной "революционной богемы", усилились "настроения грусти, утомления, тоски, недовольства сегодняшним днем, окружающей действительностью" [4]. Как следствие, участились и случаи самоубийств интеллигенции, студенчества и писателей: А. Соболев, С. Есенин, Н. Кузнецов, А. Ширяевец, В. Дмитриев, позднее - Н. Дементьев и др. Б. Лавренёв писал К. Радеку: "Ряд писательских смертей ... - лишь начало развивающейся катастрофы" [5].

Перевальцы и А. Воронский призывали бороться с такими настроениями воспитательными мерами: "При тяжелом экономическом положении страны борьба со всевозможными упадочно-реакционными настроениями в молодой писательской среде возможна лишь при взаимной поддержке и тесной общественности, ... создании действительно культурной, действительно

общественной и художественно продуктивной писательской среды" [6]. Одной из задач литературы было воспитание читателя: "Болящий дух врачует песнопенье", - повторяли перевальцы вслед за Е. Баратынским, - поэтом, чье творчество оказало значительное влияние на их эстетическую концепцию.

И общественно-литературная программа "Перевала" была направлена на формирование человека будущего в духе гуманизма - всесторонне развитой личности, не порывающей с культурными традициями прошлого, строящей свои отношения с миром на общечеловеческих, а не классовых критериях. И завоевания революции, как справедливо считали перевальцы, - только база для дальнейшего развития личности "во всем ее человеческом разнообразии".

ВАПП же, выполняя партийную установку, стремилась не воспитывать, а создавать, штамповать, как говорил Н. Бухарин, человека, и литература была призвана не "чувства добрые пробуждать", а, напротив, - воспитывать классовую ненависть, бездумность, зависимость от партийной точки зрения и от партийной конъюнктуры, предлагать читателю лишь готовые ответы, "систему рецептов" (Д. Горбов).

Это выражалось в реорганизации на основе ВАПП существовавшей с 14 июля 1925 г. Федерации советских писателей, где вапповцы, пользуясь революционной демагогией, навязывали свои методы литературной политики, подменяли разговор о задачах искусства и положении писателя разговорами о пролетарской чистоте литературы. Не удивительно: ВАПП боролась с литературными противниками теми же методами, с помощью которых партия начала бороться с НЭПом, - "гегемония" в литературе тоже должна была быть завоевана организационным путем. В этой борьбе ВАПП - за организацию писателей, ЛЕФ - за "коллективного Льва Толстого" повторяли идеи Пролеткульта (А. Богданова, А. Гастева): организация пролетариев и организация искусства как средства борьбы за новую жизнь, "служения искусства революции" [7].

ВАПП выполняла постановление ЦК ВКП(б) "О работе советских органов, ведающих вопросами печати" от 23 августа 1926 г., предусматривающее создание еще одного контролирующего органа - литературной комиссии при Отделе печати ЦК. Решения Отдела печати теперь открыто проводились через коммунистические фракции в организациях писателей. Это был еще один шаг к унификации литературного процесса, всего лишь через год с небольшим после постановления ЦК ВКП(б) 1925 г. "О политике партии в области художественной литературы". Литературная политика до 1927 г. и определялась, в основном, этим постановлением.

Но к 1927 г. сама ВАПП оказалась в сложной ситуации: наиболее талантливые авторы печатались либо в "Красной нови", либо в "Новом мире" - журналах "противоположного" лагеря, а столь громко провозглашенная "пролетарская литература" представляла собой весьма убогое зрелище. Такое положение не могло не беспокоить и Отдел печати ЦК. Надо было найти главного виновника, главное препятствие на пути создания Федеративного объединения советских писателей по вапповскому канону. Им сначала был объявлен А. Воронский, потом - "Перевал".

Для вапповского руководства "Перевал" представлял большую опасность, чем попутчики, постольку ориентировался на ту же социальную среду, что и они. Отдел печати ЦК перевальцы не устраивали по другим причинам - признания

свободы писателя, авторитета А. Воронского, активного противостояния ВАПП, провозглашение "нового гуманизма". Для полной победы требовалось захватить "командные высоты", создать особое пространство: окончательно разрушить "Воронский Карфаген" - "Красную новь", устранить главных литературных противников - А. Воронского и "Перевал". Одновременно удар наносился и по независимой литературной школе - по формалистам. Последовательное проведение этих акций говорит об их связи: диспут 6 марта 1927 г. в Ленинграде, критическая кампания против формалистов в 1927 г. [8] и разгром "Красной нови" - это было целенаправленное уничтожение тех, кто не подчинялся вапповскому контролю, тех, кто пользовался большим авторитетом. Формалисты были опасны тем, что изучали имманентные законы литературы и отказывались единогласно присягать единому методу; "Красная новь", первый советский "толстый" журнал, фактически продолживший традицию литературных журналов России XIX века, - тем, что собрала вокруг себя значительные литературные силы, в основном попутчиков.

В 1927 г. "Красная новь" отмечала свое пятилетие. Именно в "Красной нови" и, одновременно, в близкой по духу "Печати и революции" появилась декларация Содружества писателей революции "Перевал", ознаменовавшая завершение фазы скрытой полемики. Если в 1924 г. перевальцы не собирались активно вмешиваться в совершенно излишнюю полемику с группами, "монопольно претендующими на звание "пролетарских" [6], то теперь "Перевал" открыто выступил против "гегемонии" ВАППа, с которой "никогда не солидаризировался". Попыткам ВАПП подменить "гегемонию пролетариата в литературе" понятием гегемонии ВАППа" перевальцы противопоставляли "свободное творческое соревнование" [9].

Декларация "Перевала" ставила неутешительный диагноз "пролетарским" литературным группировкам, не сумевшим "создать сколько-нибудь значительных художественных произведений": "слабые и примитивные произведения"; "дискредитация самого понятия "пролетарский писатель"; "отсутствие мастерства и глубокого содержания". Впервые в программном документе объединения "рабоче-крестьянских писателей" так резко критиковалась одна из самых крупных организаций, находящаяся под покровительством партии, ставилось под сомнение само ее существование [9].

Перевальцы утверждали, что усилиями ВАПП было создано общественное мнение, которое запугивало писателя и "толкало его по линии внешнего хроникерского отображения событий". "Перевал" же требовал от художника нового подхода к действительности. Это была и позиция А. Воронского. В статье, открывавшей январский, 1927 г., номер "Красной нови", он вновь повторял, что "литература не должна быть служанкой политики", что искусство не поддается прямой идеологизации, что основная задача художника - объективно отражать жизнь. Все это должно было, по его мнению, стать основой нового органического художественного метода [10]. Затем в статьях против С. Гусева - Отдела печати ЦК он повторил, что нельзя "прибегать к методам командования" - необходим художественный плюрализм [11].

Борьба с "безликим хроникерством" нашла и художественное выражение: герой повести П. Романова "Право на жизнь, или проблема беспартийности" с характерной фамилией Останкин говорил о таких писателях: "Несколько авторов

говорили в редакции о том, что такой-то едет туда-то. "Вот привезет материала!...". Леонида Сергеевича это поразило. Значит, эти люди сами в себе не имеют ничего. Им нужно ездить за материалом. Это только безликие рассказчики и развлекатели едущих на колеснице" [12]. Подчеркнем, что это было не случайным совпадением, а выражением общих настроений, и не только "попутчиков".

Закрепленная в Декларации концепция А. Воронского и "Перевала" заключалась в том, что писатель не может упасть с неба совершенно готовым; что никакое, даже самое пролетарское происхождение, не заменит таланта; что составляющие таланта и талантливое произведения, представленные в перевальских документах, предполагают длительный период учебы и становления пролетарской литературы. А партия и ВАПП не желали ждать - они хотели объявить писателя пролетарским лишь по его происхождению. Именно поэтому 1927 год, год свертывания НЭПа, был годом провозглашения на XV съезде ВКП(б) культурной революции, т.е. (если исходить из этимологии слова "революция"), резкого изменения положения в области культуры вообще и литературы, в частности [13]. Естественно, что для реализации планов А. Воронского и "Перевала" требовался долговременный процесс воспитания читателя, а не культурная революция.

Одновременно с повестью П. Романова в апрельском номере "Сибирских огней" появилась и статья Д. Горбова, заостряющая антирапповскую направленность декларации "Перевала". Общая позиция А. Воронского как главного редактора "Красной нови", декларации "Перевала", статей Д. Горбова и повести П. Романова заключалась в защите искусства как специфического метода жизнепознания.

Д. Горбов в своей статье предостерегал (вновь, спустя несколько лет после А. Воронского в дискуссии с "напостовцами" 1923-25 гг.) от подмены "...действительного руководства (пролетариата - А.О.) ...попытками руководить литературой...путем "гегемонии" той или иной литературной группы", потому что в этом случае литературный процесс "неминуемо превратится в литературную склоку, ... в мелкое крохоборство литературной свары" [14]. Он подчеркивал главное в перевальской декларации: указание на опасность "опоры на особую административно-литературную группировку, консервирование в некой литературной касте, авансом присвоившей себе название "пролетарской" ... Ибо какая каста учится чему бы то ни было? Каста избавлена от необходимости учиться. Вместо этого она не прочь учить других". Д. Горбов не отрицал гегемонию рабочего класса и его партии (причем именно в таком порядке), отрицая "попытки руководить литературой с палубы, т.е. путем "гегемонии" той или иной литературной группы" [14].

Принципиальным был и его тезис о единстве литературы - "общий поток, имеющий единое направление"; "большая литература создается помимо группировок". Напомним, что типично рапповское представление о литературе - печально знаменитое "дерево русской литературы" И. Новича, где писатели размещались на правых и левых ветках от центрального рапповского ствола. Перевальцы "сидели" на крайне правой ветке. Этот образ был весьма символическим - ветку можно срубить, а с потоком справиться труднее: вода - стихия, плохо поддающаяся человеческой воле.

И все же главным в статье Д. Горбова был призыв создать "атмосферу большой внутренней свободы в выборе путей", подчеркивалось значение "самодовлеющей внутренней свободы художника", единственно ответственного за свой материал, свободы, которую не должен убить "сухой ветер политиканства". При этом указывалось и на значение органичности художественного образа - общеперевальский лозунг "пробуждения самостоятельной творческой работы в читателе" [14].

Впервые так ясно была заявлена общественно-литературная позиция "Перевала", заявлены обоснованные претензии на лидерство в литературном процессе, - такая позиция позволила бы создать на базе "Перевала" творческий центр с печатными органами - "Новым миром", "Красной новью", "Сибирскими огнями" и А. Воронским, В. Полонским и В. Правдухиным во главе. В декларации 1927 г. открыто говорилось о необходимости создания такого "художественного центра", вокруг которого объединились бы, сохраняя творчески самостоятельные черты, все жизнедеятельные писатели СССР. Объединение, члены которого сохраняли бы творческую самостоятельность, - вот что было пафосом Декларации. Беспрецедентно звучал призыв: "мы призываем всех писателей, разделяющих наши взгляды, в дальнейшей творческой работе объединяться вокруг "Перевала". Под Декларацией стояли подписи 56 членов Московского отдела "Перевала".

Реакция Отдела печати - ВАПП была незамедлительной: А. Фадеев заявил, что вокруг "Красной нови" и "Перевала" группируются значительные силы писателей, "настолько громадное большинство, что в этом беда и есть, ... проводится там политика на дискредитирование пролетарского писателя" [15]; Л. Авербах в своем письме в ЦК называл декларацию "явными антипартийными уклонами в литературной области" [16].

Обратим внимание на хронологию событий: заседание в Отделе печати ЦК, где А. Воронскому, среди прочих, были предъявлены и политические обвинения, проходило 18 апреля 1927 г.; расширенный пленум РАПП, посвященный, в основном, вопросам борьбы с А. Воронским и "Перевалом" - 29 апреля. Затем (13 октября 1927 г.) последовало освобождение А. Воронского от должности главного редактора "Красной нови" и исключение членов троцкистской оппозиции из партии на XV съезде ВКП(б) 2-19 декабря 1927 г. Судьба А. Воронского была предрешена, хотя "Перевал" пытался защитить его и "Красную новь" в своем смелом заявлении в ЦК 13 сентября 1927 г. [16]

Д. Горбов и многие перевальцы еще верили в "мудрость партии", считая, что линия РАПП - это не линия партии, они были уверены, что "внутренняя несостоятельность РАПП будет разоблачена" [17]. А. Воронский же, судя по стенограммам апрельского совещания в Отделе печати ЦК и "расширенного" заседания редколлегии "Красной нови" 18 апреля 1927 г., прекрасно понимал, что дело не только в нем, а в "общей установке", в усилении идеологизации литературы, создании литературной казармы - Федерации писателей. Статьи А. Воронского и декларация "Перевала" были последним этапом в противостоянии партийному диктату: после июня 1927 г. Воронскому больше не разрешали выступать на литературные темы, а для перевальцев путь в основные журналы был закрыт.

Результатом удаления А. Воронского было не только изменение поведения писателей, которые теперь "не выбирали для себя один журнал, которому сохраняли преимущественную верность, но вместо этого печатались, где только было возможно", но и фактическое уничтожение "Красной нови", превращение ее в "случайное безликое собрание прозы и поэзии, которое по непонятной причине выходило регулярно" [18], а также практическое исчезновение "толстых" журналов в традиционном для России виде. Но в 1927 г. проблема была не столько в "Красной нови", "Перевале" или А. Воронском, - проблема была в отношении к Л. Троцкому. Не случайно в 1927 г. началась последняя статья Троцкого о литературе и почти немедленной реакцией на нее Н. Бухарина. Именно с его "Злых заметок" и начался поход против А. Воронского, который не скрывал своих симпатий к левой оппозиции. Поэтому хронологические совпадения событий в литературно-политических биографиях А. Воронского и Л. Троцкого совсем не случайны.

Борьба между литературными группировками из области литературы и искусства неизбежно переходила в плоскость политики. Это была политическая борьба приверженцев разных концепций развития будущего общества: авторитарной и демократичной (насколько демократия вообще возможна в постреволюционном обществе); разных моделей социализма, поскольку в 1927 году вопрос выбора пути еще не был окончательно решен. Это была борьба тех, кто представлял революцию как процесс, с теми, кто стремился "омертвить" результаты ее, создать застывшие ("стабилизационные", как выражались перевальцы), неразвивающиеся формы общественной жизни. На примере создания Федерации опробовалась новая, сталинская модель общественного развития, создавалось ее идеологическое обоснование (в "Правде" 11 ноября 1927 г., за месяц до XV съезда, была опубликована статья "Марксизм-ленинизм - наша государственная доктрина").

В широком смысле речь шла не столько о литературе или о создании Федерации писателей (само слово предполагает достаточно большие полномочия и права участников - не случайно от этого названия отказались, заменив его словом Союз, с жесткими отношениями и гораздо меньшими правами сочленов), а о путях решения социальных проблем. Речь шла о принципиально важном вопросе: о степени свободы писателя в рамках еще существовавшей революционной культуры, о свободе писательских организаций и их отношениях с государством (правда, на наш взгляд, такая модель отношений уже была опробована в первые годы после революции в истории с Пролеткультом).

Можно также говорить и о принципах решения конфликтов или борьбы с оппонентами, с идеологическими или литературными противниками в сталинском дискурсе: отнять у них журнал, сослать главного редактора и разить поодиночке; создать канон, прописи, а всякое отклонение от канона карать опять административными мерами. Этот принцип насильственного, не имманентного природе конфликта решения, был принят на вооружение и потому, что боялись проиграть в борьбе по "гамбургскому счету", и потому, что для партии и ее "неистовых ревнителей" не было других способов: "кто не с нами, тот против нас"; "если враг не сдается, его уничтожают".

Необходимо подчеркнуть, что в создании идеологии писателям, будущим "инженерам человеческих душ", отводилась крайне важная роль. Они должны были своими произведениями, с помощью художественных средств, нести эту идеологию в массы, формировать мировоззрение "нового советского человека". На XV съезде была определена роль литературы в обществе - непосредственно участвовать в решении социально-политических задач.

Таким образом, мы можем констатировать, что к концу постреволюционного десятилетия революционная культура с ее романтикой, порывом, постоянным движением изжила себя и трансформировалась постепенно в культуру тоталитарную, законы эстетики которой она сама и генерировала [19]. А. Воронский, пытавшийся бороться за свободу писателя и свободу творчества внутри им же созданной культуры, явно недооценил ее тоталитарный потенциал. В этом была его трагедия, - ведь революция, по его же собственным словам, пожирает своих детей. В этом же заключался и утопизм Декларации: перевальцы хотели разговаривать на языке свободного творчества с теми, кто не только его не понимал, но и понимать не хотел, представляя, к каким опасным для утверждающегося догмата последствиям могут привести перевальские лозунги - "искренность", "гуманизм" и "органическое творчество".

ЛИТЕРАТУРА

1. Шешуков С.И. Неистовые ревнители (из истории литературной борьбы 20-х годов). - М., 1984; Акимов В.М. В спорах о художественном методе. - Л., 1979; Robert A. Maguire. Red Virgin Soil. Soviet Literature in the 1920-s. - Princeton, 1968; Ermolaev H. Soviet Literary Theories 1917-1934. The genesis of socialist realism. - Berkeley, 1963; Brown E.J. The proletarian Episode in Russian Literature. - N-Y., 1953; Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. - М., 1998.
2. Тынянов Ю., Якобсон Р. Проблемы изучения литературы и языка // Новый ЛЕФ. - 1928. - № 12. - С. 35-37.
3. Власть Советов за 10 лет. 25.10.1917 - 7.11.1927 // Воронский А. Десятилетие Октября и наша литература. - Л., 1927; Владиславлев И.В. Литература великого десятилетия (1917-1927). - М.-Л., 1928; Полонский В.П. Очерки литературного движения революционной эпохи. 1917-1927. - М.-Л., 1929 и др.
4. Ханин Д. Два пути литературного молодняка // Писатели комсомола. - М.-Л., 1928. - С. 48.
5. Фрезинский Б. Литературная почта Карла Радека // Вопросы литературы. - 1993. - № 3.
6. Перевал. Сб. № 3. - С.252-253.
7. Голомшток И. Тоталитарное искусство. - М., 1995. - С. 32.
8. Эрлих В. Русский формализм: история и теория. - СПб., 1996. - С. 97-116; 117-139; Кертис Д. Борис Эйхебаум: его семья, страна и русская литература. - СПб., 2004. - С. 151-164.
9. Декларация Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей "Перевал" // Красная новь. - 1927. - № 2. - С. 233 - 236.
10. Воронский А. Писатель, книга, читатель: Художественная проза за истекший год // Красная новь. - 1927. - № 1.

11. Воронский А. О Федерации советских писателей // Красная новь. - № 4. - 1927. - С. 216; Гусев С. Какая Федерация писателей нам нужна? // Правда, Известия. - 30.04.1927; Воронский А. Об ужасной крокодиле, о федерации писателей и фальшивых фразах (Открытое письмо т. Гусеву) // Красная новь. - 1927. - № 6.
12. Романов П. Право на жизнь, или проблема беспартийности // П. Романов Повести и рассказы. - М., 1990. - С. 189; Петроченков В. Творческая судьба Пантелеймона Романова. - N.J., Эрмитаж, 1988. - С. 162-167.
13. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. - М., 2001. - С. 84-109; Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. - М., 2000. - С. 209-325 и др.
14. Горбов Д. Литературные перспективы // Сибирские огни. - 1927. - № 5. - С. 200; 206 - 207.
15. РГАЛИ. Ф. 1696. - Оп. № 1. - Ед. хр. 917.
16. Динерштейн Е. А.К. Воронский. В поисках живой воды. - М., 2001. - С. 169-171; 178-180.
17. Горбов Д. "Перевал" и правый уклон в литературе // Горбов Д. У нас и за рубежом. - М., 1928. - С. 221.
18. Robert A. Maguire Red Virgin Soil. Soviet Literature in the 1920-s. - Princeton, 1968. - P. 326.
19. Паперный В. Культура "Два". - М., 1996; Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин // Гройс Б. Искусство утопии. - М., 2003. - С. 19-139.

COMMUNITY "PEREVAL" DECLARATION 1927 IN THE LITERARY AND HISTORICAL CONTEXT

A.Y. OVTCHARENKO

Russian Language Department of Main Faculties
Russian University of Peoples' Friendship
Miklukho-Maklay str., 6, 117198 Moscow, Russia

The author investigates the role of the Community "Pereval" declaration's in the literary process of 1920-30's, its place in general literary and historical context and its connection with the political struggle in the USSR during NEP and final destruction of free literature in general, during foundation of common creative method proclaimed to be compulsory for all.